

УДК 81.111'42

Ризоматическая гетерогенность гендерной идентичности в постмодернистском дискурсе

Марчишина А.А.

*Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко,
Каменец-Подольский (Украина)*

Концепция гендерной идентичности в постмодернистском дискурсе основывается на ее ризоматическом понимании, согласно которому она представляет собой открытую децентрированную систему.

Цель работы – установить лингвокультурные параметры гендерной идентичности как ризоматического образования в постмодернистском публицистическом дискурсе.

Материал и методы. Исследование опирается на методологическую платформу междисциплинарных подходов к изучению текста. Дискурсивная трактовка идентичности осуществляется в рамках анализа ее семантики и речевого выражения с позиций эпистемологии постмодернизма.

Результаты и их обсуждение. Переосмысление восприятия гендерной идентичности как тождества человека самому себе обусловлено влиянием изменившихся социокультурных факторов. Ризоматический характер анализируемого понятия в постмодернистском дискурсе реализуется при помощи лексических номинаций, семантической асимметрии, разноуровневых стилистических связей, принципов текстообразования.

Заключение. Ризоморфность гендерной идентичности в публицистическом дискурсе манифестируется разнообразными языковыми средствами, раскрывающими ее гетерогенную смысловую сущность.

Ключевые слова: гендерная идентичность, ризома, постмодернизм, публицистический дискурс.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 189–194)

Rhizomatic Heterogeneity of Gender Identity in Postmodern Discourse

Marchyshyna A.A.

Kamianets-Podilsky Ivan Ohienko National University (Ukraine)

Gender identity conception in postmodern discourse arises from its rhizomatic understanding according to which it is an open decentred system.

The purpose of the paper is to establish lingual and cultural parameters of gender identity as a rhizomatic formation in postmodern publicist discourse.

Material and methods. The research is based on the methodological platform of interdisciplinary text study. The discourse interpretation of identity is carried out within the analysis of its semantics and speech explication from the perspective of postmodern epistemology.

Findings and their discussion. Rethinking of gender identity perception is determined by the changed social and cultural factors. Rhizomatic character of the phenomenon in question in postmodern discourse is implemented by means of lexical nominations, semantic asymmetry, multilevel stylistic links, principles of text formation.

Conclusion. Rhizomatic character of gender identity in publicist discourse is manifested through various language means revealing its heterogeneous nature.

Key words: gender identity, rhizome, postmodernism, publicist discourse.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 189–194)

Проблематика, обозначаемая сегодня как «проблематика идентичности», привлекает внимание исследователей-гуманитариев еще с начала XX столетия. Становление идентичности как научного понятия в течение прошлого века происходило в трех основных эпистемологических парадиг-

мах: философской, психоаналитической и социологической. Начало XXI в. ознаменовано междисциплинарным подходом к изучению этого явления, в рамках которого переплетаются векторы общенаучных и специфических поисков. К последним причисляем лингвистические студии, распадающиеся на множество

Адрес для корреспонденции: e-mail: allama@ukr.net – А.А. Марчишина

аспектов ввиду гетерогенной сущности идентичности. Одним из таких феноменологических проявлений является гендерная идентичность, отображающая изменения восприятия биологической категории пола в социокультурной реальности и ее представление в различных областях знаний. Синкретизм векторов изучения гендерной идентичности составляет предпосылки формирования ее комплексной лингвистической теории.

Цель статьи – установить лингвокультурные параметры гендерной идентичности как ризоматического образования в постмодернистском публицистическом дискурсе.

Материал и методы. Методологическим базисом исследования служат научные принципы антропоцентризма, междисциплинарности, диалогичности текста как средства фиксации знаний, опыта, культуры общества. Рассмотрение дискурсивной манифестации феномена идентичности опирается на основные положения эпистемологии постмодернизма (Ж. Делез, Ж. Деррида, Ф. Гваттари), трактовку идентичности в лингвокультурологии и социолингвистике (Ч. Тейлор, Э. Эрикссон, Э. Оукли), когнитивно-дискурсивный ракурс изучения идентичности (О. Бабелюк, А. Мартынюк, Е. Матузкова).

Результаты и их обсуждение. Поворот к новому тысячелетию обозначился не только всеобщей глобализацией общественно-экономических процессов, но и разрушил уже устоявшуюся систему ценностей, в которой проблема идентичности занимает одно из главенствующих мест [1]. В эпоху постмодернизма идентичность, будь то личностная, групповая, этническая, религиозная, национальная, профессиональная или какая-либо другая, уже больше не воспринимается как что-то данное и постоянное, но представляется объектом, требующим нового определения, оценки, структурирования и методологии изучения. Идентичность уже не является тем «удобным теплым костюмом, который одевают на тело сразу же после рождения и уже никогда не снимают» [1, с. 1]. Масштабные трансформационные процессы нашего времени в первую очередь влияют на личность – ее ценности, потребности, модели поведения. Изменения происходят в сознании конкретного человека, который, среди всего прочего, утверждает собственные гендерные приоритеты. Идентификация личности по гендерному признаку обуславливается параметрами, признанными в социально-культурной среде

как фенотип прирожденных и приобретенных особенностей, что позволяет характеризовать человека в терминах маскулинности или феминности. Доподлинно неизвестно, кто первым использовал термин «гендер» в научном дискурсе, но его появление чаще всего связывают с гендерной социологией Энн Оукли (70-е гг. XX в.) и трактуют как компонент индивидуального и коллективного сознания, охватывающий когнитивный, культурный, социальный, языковой аспекты существования индивида в обществе.

Отношения между языком и идентичностью рассматриваются в социолингвистической плоскости (Дж. Эдвардс, Дж. Джозеф, А. Табуре-Келлер). В таком контексте выбор языковых средств конструирует, выражает и интерпретирует определенную идентичность. Психолингвистика сосредоточивает внимание на способах вербализации самоидентификационного опыта и формировании коммуникативной идентичности (Н. Виноградова, Т. Сазонова, С. Хватова). Психосемантика вникает в расшифровки чувства тождественности индивида и социальной общности (Т. Баранова). Когнитивно-лингвистическая парадигма устанавливает закономерность связи между идентичностью и ментальными процессами концептуализации, категоризации и идентификации (С. Воркачев, В. Карасик, Е. Кубрякова). Фрейдовская идея о формировании идентичности на детской осознанности самости, ограниченной собственным эго, развивается в парадигме когнитивной семантики и реализуется в речевой самоидентификации человека (Х. Ортега-и-Гассет, П. Рикер, Ю. Хабермас).

Согласно Э. Эрикссону, идентичность – это чувство самотождественности, собственной истинности, полноценности, связи с миром и другими людьми [2]. Е. Матузкова предлагает понимание идентичности как феномена и научного понятия, согласно которому она рассматривается как трехуровневая структура. Когнитивно-эмоциональный, индивидуально-коллективный и субъектно-объектный уровни обеспечивают иерархичность структуры идентичности, в которой взаимодействие разнообразных характеристик образует систему видов, подвидов и разновидностей идентичности [3, с. 13–14]. Гендерная идентичность считается видом личной, подвидом индивидуальной и разновидностью идентичности в целом.

Современные трактовки идентичности исходят из существующих классификаций, основывающихся на многоаспектности как са-

мого явления, так и его компонентов. Толкование идентичности как тождественности человека самому себе, применительно к наивной картине мира, вряд ли может удовлетворить научный подход. Описание идентичности по Эриксону, заложившему основы ее психологического понимания как тождества самому себе, предполагает развивающуюся конфигурацию естественной предрасположенности, личного опыта, потребностей и [социальных] ролей [2, с. 12]. В отличие от психологического рассмотрения идентичности как Эго-сходства, в философии она зачастую помещается в систему координат моральных систем, культурных оценок, духовных ориентиров и социальных стереотипов. Поэтому поиск идентичности обычно ограничивается рамками сущего и должного, удовлетворения и блага (Ч. Тейлор). Социология идентичности предполагает учитывать ценности, потребности и модели поведения личности как члена общества, исполняющей в нем определенные роли, предписанные социальной средой.

Идентичность как процесс, «локализованный» в ядре индивидуальной культуры, неотъемлем от общественной культуры [2, с. 31], и философия постмодернизма обязывает индивида переоценивать себя с точки зрения того, какое место он обретает в рамках изменившейся типологии. Этот эволюционный процесс находится в постоянном изменении и развитии [2, с. 32], обеспечивая динамичность рассматриваемой категории.

Среди последствий влияния философии постмодернизма на гендерную идентичность отмечаются, в частности, смещение социальных и коммуникативных гендерных ролей, что нарушает устоявшиеся социальные установки и разрушает жесткую иерархическую модель общества [4, с. 226]. Представители постструктуралистской (постмодернистской) методологии (в частности, Т. де Лауретис) считали, что пришло время ревизии существующих моделей гендерной идентичности, основанных на половых оппозициях «мужского» и «женского», а также сексуальных оппозициях «гетеросексуального» и «гомосексуального». Постмодернистский дискурс включает в повестку дня языковое оформление идентичности:

Both heteronormativity and homonormativity require fixed, naturalised heterosexual and homosexual identities in order to maintain and regulate the norms of these discursive institutions.

As queer theorists, we question fixity and essentialism of identities [5, с. 66].

В представленном фрагменте публицистический текст включает не только ключевые слова-концепты идентичности (*identity, heteronormativity, homonormativity, heterosexual, homosexual, queer*), но и в содержательном плане демонстрирует поиск новых идентичностей и попытки их нормирования.

Специфика постструктурализма как современного типа знания заключается в том, что он существует не как ряд определенных истин, а как проблемное поле [6, с. 27]. И проблему собственной гендерной идентичности каждый решает для себя. Изменение системы традиционных понятий в социогуманитарных и философских исследованиях современности отражает реакцию науки на резкую смену социокультурных условий. Потребность рассмотрения гендерной идентичности через призму постмодернизма обусловлена развитием лингвистических исследований и отражением гендерных характеристик в языке как системе, а также изменением традиционного речевого поведения мужчин и женщин, отраженного в дискурсивных практиках.

Приоритетное значение в современном конструировании идентичности принадлежит языку: он может одновременно отображать и производить (*create*) идентичность. Отображая идентичность, язык служит ключом к расшифровке истории группы и индивида, принадлежащего этой группе, раскрывая отношения и ассоциации, составляющие структуру власти и престижа данной группы. С целью создания идентичности язык использует стилистические вариации, характерные для определенных групп, отличающихся лингвистическими переменными [7, с. 291]. Новые гендерные идентичности обретают соответствующую фиксацию в дискурсе:

For many people, the identities of bisexual, lesbian, and gay have significant, situated meaning. It would be very un-queer of us to impose the specification that everyone must adopt 'queer' [5, с. 66].

Процитированный текст содержит лексемноминанты гендерных идентичностей (*bisexual, lesbian, gay*), объединенные гиперонимом *queer*. Семантическая асимметрия *lesbian – gay* частично пересекается с лексико-семантическим полем *bisexual*, имеющим более обширный семантический потенциал, иерархически входящий, в свою очередь, в понятие *queer*.

Идентичность в постмодернизме представляет собой не совсем упорядоченное образование из признаков, включающих подобие самому себе, целостность самотождества во времени, непрерывность самосуществования, осмысление постоянной связи с другими и изменчивым миром, соотнесение собственных качеств и существующих стереотипов. Гендерное осмысление личностью своей идентичности рассредоточено среди этих атрибутов и придает описанному образованию ризоматический характер, поскольку не имеет черт структуры и упорядоченности. Гетерогенность гендерных проявлений часто представляет собой открытую децентрированную систему, не имеющую контролирующего начала. Согласно трактованию центра, структуры и системы в постмодернистской парадигме (по Ж. Деррида), «центр <...> управляет этой структурой, в то же время <...> избегает структурности. Он парадоксальным образом находится внутри структуры и вне ее» [8, с. 353]. Поэтому такая динамичная структура, как гендерная идентичность, может, во-первых, быть хаотичной, децентрированной, и во-вторых, может ориентироваться в своем становлении и развитии на несколько «центров», то есть быть плюральной, множественной. Эволюционное развитие современного общества приводит к отказу от старой модели дерева, а тип «культуры корневища» (ризомы), предложенный Ж. Делезом и Ф. Гваттари [9], реализует принципиально новый способ отношений внутри единого целого. Смысловое ядро ризомы не находится в центре объекта, а рассредоточено в связях между всеми составляющими – бесструктурными, множественными, запутанными, которые могут как обрываться, так и неожиданно появляться. Сознательная бессистемность гендерной идентичности, возможность выбора и установления связей позволяют констатировать динамичность исследуемого понятия. Личность наделяется способностью реализовать гендерную идентичность, являющуюся следствием ее индивидуального опыта, исходящего не из пассивного усвоения параметров гендерной роли, а из творческого преобразования внутри самой себя.

Ощущение «тождества личности» как «эго-идентичности» [2, с. 26] меняется на ризоматическое восприятие себя в гендерно гетерогенном обществе. Дерево (корень) и ризома не противопоставляются личностью в своем гендерном осмыслении, в ризоматиче-

ских ответвлениях есть узлы древовидности [9].

Ризоморфная среда охватывает неоднородные темы, даты и уровни. Ризома может быть сломана, разбита в каком-либо месте, она возобновляется, следуя той или иной своей линии, а также следуя другим линиям [9]. Изменения, разрывы приводят к тому, что линии постоянно переходят одна в другую. Ризома состоит не из единичностей, а из измерений, точнее – из подвижных направлений, не подчиняющихся ни одной структурной модели. Она включает линии сегментарности, по которым стратифицируется, однако из разрывов, сегментов можно воссоздать единое целое, что позволяет отклониться от традиционного дуализма или дихотомии. Гетерогенность, несистемность, нелинейность ризомы обеспечили ей статус одного из фундаментальных понятий постмодернизма.

Ризоматический принцип отображения идентичности характеризует, например, такой отрывок публицистического текста:

A major theme from the service provider consultations was the lack of legitimacy of same-sex relations and sexual and gender identity accorded by family, health professionals and society [10, с. 542].

Идентичность, как видно из текста, определяется половыми, гендерными особенностями, сексуальными отношениями, требующими законного определения и восприятия семьей, медработниками и обществом. Сложная конструкция гендерной идентичности, выраженная соответствующими языковыми номинациями (*sexual and gender identity, same-sex relations, legitimacy, family, health professionals, society*), свидетельствует об отсутствии единого «корня», формирующего идентичность личности.

Составляющая ризому множественность претерпевает метаморфозы, изменяя свою природу [9]. Природа гендера и его осмысление личностью преобразуется в постмодернистское понимание социокультурной роли биологического пола и образование нового типа гендерной идентичности, обусловленной тем, что психика человека и его чувства восприятия в значительно большей степени являются результатом социально-исторического, нежели биологического развития [6, с. 123]. Ризома предполагает единство личности в ее гендерном разнообразии, что можно проиллюстрировать следующим фрагментом дискурса, демонстрирующим контра-

стирующие, дихотомические связи, создающие «формирования, которые воссоздают целое» [9] – гендерную идентичность:

...social and cultural systems which shape not only our sexual experience, but the ways in which we interpret and understand that experience. This view of sexuality and sexual activity increasingly focused research attention on the inter-subjective nature of sexual meanings – their shared, collective quality, not as the property of atomized or isolated individuals, but of social persons integrated within the context of distinct and diverse sexual wholes [11, с. 255].

Социальные и культурные системы (*social and cultural systems*) не только формируют сексуальный опыт (*sexual experience*), но и предоставляют возможность его интерпретации; сексуальность имеет внутри-субъектную природу (*inter-subjective nature of sexual meanings*) – и в то же время ей присущи коллективные качества (*shared, collective quality*); личностные сексуальные значения формируют не изолированных индивидов (*atomized or isolated individuals*), а социальные личности (*social persons*), интегрированные в контекст определенного и разнообразного сексуального целого (*context of distinct and diverse sexual wholes*). Семантическая многоплановость лексических единиц расширяет представления о проявлениях гендерной идентичности, констатируя ее многомерность и сегментарность.

Постмодернистский дискурс как ризоморфная среда [12, с. 236] обладает имманентным креативным потенциалом, отображающим и формирующим идентичность. Признаки ризомы – связь и гетерогенность, множественность, незначимый разрыв [9] – присущи постмодернистской гендерной идентичности и отображаются в дискурсе.

Разнообразие социокультурных факторов, влияющих на современную гендерную социализацию личности, составляет внешнее подтверждение ее гендерной идентичности. Личностное восприятие биологического пола и его согласование со смысловой реализацией собственной бытийности человеком формируют его субъективное, внутреннее понимание своей гендерной актуализации. Принцип ризомы доминирует в следующем тексте, фрагменты которого соотносимы с сегментами смысловых линий и измерений:

The father figure steps into adulthood and, as the term father implies, also receives the privileges of complicity masculinity [13, с. 42].

Традиционный, патриархальный стереотип отцовства (лексема-концепт *father*) предусматривает наследственное усвоение его элементов. Однако автор текста после анализа эмпирических данных проведенного исследования приходит к выводу:

...all these masculine identities are contextually linked to other social determinants of men's health in ways that might restrain men's choices or afford an array of options – depending on how the men think and engage with their dominant discourses of masculinity [13, с. 42] (выделено автором – G. Creighton).

Таким образом, психологическое состояние и душевные переживания создают ролевой конфликт, в котором личность больше не может удовлетворять традиционные социальные ожидания (*social determinants ... restrain men's choices*) от представителя мужского пола и вынуждена решать для себя проблему собственной гендерной идентичности (*the men think and engage with their dominant discourses of masculinity*). Здесь архетипные элементы концепта МУЖЧИНА отражают менталитет представителя определенного этноса, однако другие смыслы этого концептуального образования являются социально обусловленными. Стереотип – это корень, ствол, символический образ, фрагмент концептуальной картины мира, отображенный в сознании индивида и народа в целом. Разрушение стереотипа, разрыв линейности стереотипного образа, его разноуровневое формирование и восприятие приводят к ризоматическому строению базисных концептов, к которым причисляется идентичность.

Заключение. Невозможность исчерпывающего анализа гендерной идентичности в постмодернистском дискурсе обусловлена полиморфностью самого понятия и ризоматичностью его осмысленности в текстовом проявлении. Поэтому в статье представлены результаты исследования репрезентации гендерной идентичности в дискурсе определенной стилиевой направленности. Вербализация гендерной идентичности в публицистическом постмодернистском дискурсе ризоматична по своей семантике, лексикализации и концептуализации. Сегментарность, фрагментарная линейность, переходы между измерениями и регистрами формируют смысловую множественность идентичности. Постмодернистская онтология стратифицирует личностные качества не по принципу корня, дерева, а в виде разветвленного корневища, соединяющего

семиотические звенья децентрированно, прерываясь и возобновляясь как динамический процесс, «подвижное направление». Языковая репрезентация постмодернистской гендерной идентичности включает ключевые слова, называющие образы-концепты анализируемых кенотипов, принципы построения текста, проблематику и тематическую маркированность дискурса.

Литература

1. Identity Issues: Literary and Linguistic Landscapes [edit. by Vesna Lopičić and Biljana Mišić Plić]. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2010. – 293 p., vi-xvii.
2. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон [пер. с англ.] / общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.
3. Матузкова, Е.П. Идентичность и лингвокультура: методология изучения: монография / Е.П. Матузкова. – Одесса: Издательство КП ОГТ, 2014. – 333 с.
4. Космеда, Т.А. Гендерна лінгвістика в Україні: історія, теоретичні засади, дискурсивна практика: [колект. моногр.] / Т.А. Космеда [и др.]; за наук. ред. проф. Т.А. Космеди. – Х.: ХНПУ ім. Г.С. Сковороди; Дрогобич: Коло, 2014. – 472 с.
5. Tilsen, J. Resisting normativity: Queer musings on politics, identity, and the performance of therapy / J. Tilsen, D. Nylund // The International Journal of Narrative Therapy and Communitive Work. – 2010. – № 3. – P. 64–70.
6. Ильин, И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1998. – 255 с.
7. The Language, Society and Power Reader [edit. by A. Mooney et al.]. – Lnd., New York: Routledge, 2011. – 374 p., vi-xxi.
8. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида; пер. с фр. А. Гараджи. – СПб.: Академпроект, 2000. – 495 с.
9. Делез, Ж. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Режим доступа: [http://www. filosoft.tsu.ru/rizoma.htm](http://www.filosoft.tsu.ru/rizoma.htm). – Дата доступа: 21.08.2015.
10. Cartwright, C. End-of-life care for gay, lesbian, bisexual and transgender people / C. Cartwright, M. Hughes, T. Lienen // Culture, Health & Sexuality. – 2012. – № 5. – Vol. 14. – P. 537–548.
11. Parker, R. Sexuality, culture and society: shifting paradigms in sexuality research / R. Parker // Culture, Health & Sexuality. – 2009. – № 3. – Vol. 11. – P. 251–266.
12. Бабелюк, О.А. Принципи постмодерністського текстотворення сучасної американської прози малої форми: монографія / О.А. Бабелюк. – Дрогобич: Вимір, 2009. – 296 с.
13. Creighton, G. After the death of a friend: Young Men's grief and masculine identities / G. Creighton [et al.] // Social Science & Medicine. – 2013. – Vol. 84. – P. 35–43.

Поступила в редакцію 01.09.2015 з.